

ИЗВѢСТІА ПО КАЗАНСКОЙ ЕПАРХІИ.

ИЗДАНИЕ КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

Выходятъ четыре раза въ мѣсяцъ.

Подписная цѣна: съ приложеніемъ журнала „Православный Собесѣдникъ“— для епархіальныхъ подписчиковъ 8 р. въ годъ, для не-епархіальныхъ—10 р. Безъ приложенія журнала „Православный Собесѣдникъ“—для не-епархіальныхъ подписчиковъ—5 р.

Адресъ редакціи: Казань, Духовная академія.

Оффиціальный отдѣлъ.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Награждены скуфьею священники: с. Балахчына, Лапшевскаго у., Іаковъ *Ильинскій*, Михаило-Архангельской г. Чебоксарь перкви *Василій Боголюбовъ* и Тюремной г. Козмодемьянска церкви *Константинъ Тиховидовъ*, 19 августа.

Учитель *Вилиневскій* рукоположенъ во священника въ Троицкому горі Спасска собору, 22 августа.

Опредѣлены. Экономъ духовной семинаріи, діаконь *Ляпидовскій*, на діаконое мѣсто въ с. Ядрино, Ядринскаго уѣзда, 27 августа.

Безмѣстный псаломщикъ, въ санѣ діакона, *Бомарскій* на псаломщическое мѣсто въ с. Икково, Чебоксарскаго уѣзда 31 августа.

Псаломщикъ села Иккова, Чебоксарскаго уѣзда, *Сорокинъ* отчисленъ отъ должности, 24 августа.

Псаломщикъ с. Хурады, Спасскаго уѣзда, *Карганскій* исключенъ изъ духовнаго званія, 5 іюля.

Согласно прошенію уволены заштатъ. Священникъ села Балахчина, Лаишевскаго уѣзда, *Ильинскій*, 29 августа.

Священникъ с. Краснаго Яра, Чебоксарскаго уѣзда, *Тимоевевъ*, 29 августа.

Умерли. Протоіерей Николо-Вешняковской гор. Казани церкви *Павловскій*, 22 августа.

Священникъ Никольской гор. Свіязска церкви *Тихомировъ*, 22 августа.

Псаломщикъ с. Гремячки, Лаишевскаго уѣзда, *Пахтовскій*, 21 августа.

Свободныя мѣста.

Священническія. При Царевококшайскомъ соборѣ; Кошлоушскомъ Александринскомъ женскомъ монастырѣ; Никольской гор. Свіязска церкви; въ селахъ: Юльяхъ, Козмодемьянскаго у.; Керебелявахъ, Царевококшайскаго у.; Новоишеевѣ, Цивильскаго у.; Сотнурахъ, Царевококшайскаго у.; Кирмеляхъ, Свіязскаго у.; Тораевѣ, Ядринскаго у.; Саврушахъ, Чистопольскаго у.; Моркахъ, Царевококшайскаго у.; Масловѣ, Спасскаго у.; Верхнихъ Отарахъ, Мамадышскаго у.; Большомъ Тябердинѣ, Цивильскаго у.; Селенгушахъ, Чистопольскаго у.; Савонахъ, Лаишевскаго у.; Аринѣ, Царевококшайскаго у.; Тетвеляхъ, Чистопольскаго у.; Синьялахъ, Чебоксарскаго у.; Байтерьяковѣ, Тетюшскаго у.; Балахчинѣ, Лаишевскаго у.; Красномъ Ярѣ, Чебоксарскаго уѣзда.

Діаконскія. Въ селахъ: Кузнецовѣ, Царевококшайскаго у.; Толябѣ, Тетюшскаго у.; Цибикурѣ, Царевококшайскаго у.; Ардѣ, Козмодемьянскаго у.; Уньяѣ, Царевококшайскаго уѣзда.

Псаломщическія. При Тюремной г. Казани церкви; въ селахъ: Гремячкѣ, Лаишевскаго у.; Хурадѣ, Спасскаго уѣзда.

Просвѣщеніе св. крещеніемъ.

4-го іюля 1904 года священникомъ села Арина, Царевкопшайскаго уѣзда, Николаемъ Монастыревымъ просвѣщены св. крещеніемъ язычники — деревни Элкинеръ крестьяне Иванъ Васюковъ и жена его Анна Микубаева, съ нареченіемъ тѣхъ же именъ, по крестномъ отцѣ первый Николаевъ и послѣдняя Александрова, и дѣти ихъ: Настасія 8 лѣтъ, Оксинья 4 лѣтъ и Егоръ 1½ года съ нареченіемъ именъ Анастасія, Ксенія и Георгій по крестномъ отцѣ Алексѣевъ.

4-го іюля 1904 года участковымъ миссіонеромъ священникомъ села Нижней Учи, Мамадышскаго уѣзда, Сергіемъ Багинымъ просвѣщены св. крещеніемъ вотяки-язычники деревни Старога Канисара, состоящаго въ приходѣ села Урась-Учей, Мамадышскаго уѣзда, Тукташъ Туктагуловъ 42 лѣтъ, нареченный во св. крещеніи Θεодоромъ — по крестномъ отцѣ — Михайловымъ, его жена — Гильдызымъ Николаева 38 лѣтъ, нареченная Евдокіей — по крестномъ отцѣ Сергѣевой и сынъ ихъ Беккея Тукташовъ 6 недѣль, нареченный Сергіемъ.

1-го августа 1904 года священникомъ Ильинской церкви села Николаевки, Чистопольскаго уѣзда, Константиномъ Михайловымъ просвѣщена св. крещеніемъ изъ чувашъ язычница деревни Еропкиной Саварія Егоркина Ярушкина 25 лѣтъ, съ нареченіемъ ей имени Марія и дочь ея Олекá, съ нареченіемъ имени Ольга.

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

ОТКРЫТІЕ

Высокопреосвященнѣйшимъ Димитріемъ, Архіепископомъ Казанскимъ, женской общины во имя Святителя Николая, Мирликійскаго Чудотворца, близъ города Тетюшъ, Казанской губерніи.

Монастыри имѣли большое значеніе въ дѣлѣ пасажденія святой христіанской православной вѣры, а также и водворенія русской гражданственности въ нашемъ Казанскомъ разноплеменномъ и разновѣрномъ краѣ. Лишь только въ завоеванномъ Казанскомъ царствѣ стали возникать русскіе города, какъ оплоты русской гражданской власти противъ набѣговъ дикихъ покоренныхъ инородцевъ, въ этихъ центрахъ гражданскихъ учреждаются съ христіанско-просвѣтительною цѣлю и монастыри. Такъ появились эти христіанскіе свѣточи въ городахъ Свіяжскѣ, Казани, Чебоксарахъ, Козмодемьянскѣ и др. Въ Тетюшахъ почти одновременно съ основаніемъ города возникаютъ два монастыря. Около 1589 года открывается Никольскій монастырь. Онъ стоялъ ниже нынѣшнихъ Тетюшъ, въ 7-ми верстахъ отъ нихъ, на лѣсистой равнинѣ, окруженной обрывистыми горами и извѣстной нынѣ подъ именемъ старыхъ или нижнихъ Тетюшъ, или Богородичнаго рынка (мыса). Въ 1589 году, по указу Царя и Великаго Князя Θεодора Іоанновича, бояриномъ и воеводою Θεодоромъ Димитріевымъ Шестуновымъ дана была монастырю грамота на владѣніе пустырю при рѣчкѣ Черемше-Отары, — „на ней пашню пахать, сѣно косить и всякими угодіями владѣть“. Изъ этой грамоты видно, что монастырь назывался именемъ „Ново Николы Чудотворца“, и настоятелемъ монастыря въ это время былъ Іона, „черный священникъ“ ¹⁾. Тетюшскій

¹⁾ Акты историческіе и юридическіе и древнія царскія грамоты Казанской и другихъ сосѣдственныхъ губерній, собранныя Ст. Мельниковымъ. Т. I-й. Казань 1859 года, стр. 9.

Никольскій монастырь существовалъ до конца 17 столѣтія, когда онъ, по преданію, былъ разграбленъ и сожженъ шайкою разбойниковъ Стеньки Разина. Послѣ этого монастырь упраздненъ, и иноки его переведены въ Свіяжскую обитель. Крестьяне монастырскіе поселились въ 12-ти верстахъ отъ города, и село ихъ до настоящаго времени носить названіе „Монастырское“¹⁾.

Въ концѣ 16 вѣка въ городѣ Тетюшахъ основанъ былъ другой, тоже мужской, монастырь въ честь Покрова Пресвятыя Богородицы. Сохранились данныя этому монастырю грамоты, изъ которыхъ видно, что Покровскій монастырь въ Тетюшахъ въ послѣдней половинѣ 17 вѣка — около 1673 года—былъ приписанъ къ Новоспасскому Московскому монастырю²⁾ и въ 18 столѣтіи совсѣмъ закрытъ³⁾, но въ самомъ началѣ этого столѣтія онъ еще существовалъ: въ 1704 году въ обители былъ строителемъ старецъ Пименъ и казначеемъ іеромонахъ Іоакимъ⁴⁾.

Съ того времени въ Тетюшахъ не было восстановлено ни одного монастыря; между тѣмъ восстановленіе такого христіанскаго церковно-просвѣтительнаго учрежденія въ темномъ Тетюшскомъ округѣ было желательно. Тетюшскій край населенъ инородцами, преимущественно татарами мухаммеданами, особенно юго-западная часть его; здѣсь часто встрѣчаются татарскія селенія весьма большія, которыя имѣютъ по три и по четыре мечети. Въ сосѣдствѣ съ ними живетъ не мало чувашъ, не окрѣпшихъ еще въ православной вѣрѣ и легко поддающихся вліянію хитрыхъ и смѣлыхъ татаръ мухаммеданъ. Между православнымъ русскимъ населеніемъ въ Тетюшскомъ уѣздѣ есть много и уклонившихся отъ

¹⁾ Звѣринскій. Матеріаль для историко-топографическаго изслѣдованія о православныхъ монастыряхъ въ Россійской Имперіи. Т. III-й. Монастыри, закрытые до царствованія Екатерины II-й. Спб. 1897 г., стр. 100—101. Приволжскіе города Казанской губ. Казань. 1892 г. стр. 201.

²⁾ Акты, собранные Мельниковымъ, №№ XII, XXXI—XXXIII, XXXV—XXXVII, XLII.

³⁾ Звѣринскаго указанное сочиненіе—III т. 128 стр.

⁴⁾ Акты, собранные Мельниковымъ, № LXIX, стр. 187—189.

нашей св. церкви по своей слѣпой привязанности къ мнимо старинѣ.

На встрѣчу церковно-просвѣтительнымъ нуждамъ населенія Тетюшскаго края выступила одна благочестивая женщина, землевладѣлица княгиня П. Н. Волконская. Воспитанная съ юныхъ лѣтъ въ страхѣ Божиемъ, она возымѣла намѣреніе въ усадьбѣ своего имѣнія близъ города Тетюшъ устроить во славу Божию и для спасенія людей монастырь, отдать послѣднему все свое состояніе и себя посвятить на служенію Богу въ этой обители. Отъ 30 апрѣля 1903 года княгиня Волконская письменно просила Высокопреосвященнѣйшаго Дмитрія, Архіепископа Казанскаго разрѣшить ей построить въ благопріобрѣтенномъ ея имѣніи на хуторѣ близъ деревни Нармонки, въ 7-ми верстахъ отъ города Тетюшъ, деревянную церковь. Эта первая просьба княгини была неопредѣленна и неясна: въ ней не указано ни цѣли, съ какой она желаетъ устроить церковь въ своей усадьбѣ, ни средствъ необходимыхъ для обезпеченія существованія храма и причта при немъ. Казанскій Архипастырь поэтому поручилъ Тетюшскому соборному о. протоіерею личной бесѣдой съ княгинею Волконскою выяснитъ, съ какою цѣлю она желаетъ построить церковь на своемъ хуторѣ,—какъ домовую для себя, или какъ приходскую для деревни Нармонки? Въ первомъ случаѣ—чѣмъ она обезпечитъ содержаніе причта, во второмъ—какое разстояніе отъ хутора до близъ лежащей деревни Нармонки? нуждается ли деревня эта въ образованіи изъ нея самостоятельнаго прихода? кто дастъ обезпеченіе для содержанія приходскаго причта землей, усадьбой и постройками? Архипастырь при этомъ затребовалъ отъ о. протоіерея конфиденціальныя свѣдѣнія о желающей устроить въ своемъ хуторѣ церковь.

Княгиня Волконская, скрывавшая по скромности свое благочестивое намѣреніе, вынуждена была теперь открыть предъ Архипастыремъ и повѣдать тайну своей души. Отъ 8-го мая она пишетъ Владыкѣ: „Простите меня, что я утруждаю Васъ тогда, когда у Васъ нѣтъ свободнаго времени; но у меня дѣла такъ сложились, что я хотя и могу ждать, но немогу поступать иначе. Еще въ дѣтствѣ я съ родителями посѣщала Дивѣево и Саровъ, было у меня желаніе поступить въ монастырь, но все являлись препятствія. А

теперь я вижу, что пришло время привести въ исполненіе мое давнишнее желаніе; а такъ какъ мѣсто, гдѣ я живу, очень хорошее и удобное, то я и рѣшилась обратиться къ Вамъ, святой Владыко, съ просьбою разрѣшить постройку деревяннаго храма и прошу руководить меня въ этомъ дѣлѣ. Мы числимся прихожанами Троицкаго собора въ городѣ Тетюшахъ, за 7-мь верстъ отъ насъ. Въ 4-хъ верстахъ отъ насъ есть село Тинчурино, и еще село Чудовка тоже 4 версты, и село Красная Полянка находятся за 5-ть верстъ. Вездѣ является крайнее неудобство говѣть, потому что нѣтъ службы каждадневной въ церквахъ. Около насъ находятся: двѣ деревни Зеленовки прихода села Красной Поляны, деревня Нармонка въ 40 саженьяхъ отъ нашего хутора и деревня Любимовка, при которой числится мое имѣніе, въ 4-хъ верстахъ отъ хутора; эти деревни прихода Тетюшскаго собора. Въ этихъ деревняхъ есть такіе престарѣлые и бѣдные, которые не могутъ ни дойти, ни доѣхать до церкви своего прихода. Но главное то, что я обѣщала служить Богу, и потому должна исполнить свое обѣщаніе. Вотъ и причина, почему я прошу Васъ, многоуважаемый Владыко святой, разрѣшить мнѣ строить церковь. Прежде я могла посѣщать святая мѣста во всякое время года, а теперь силъ нѣтъ. Я рѣшила, чтобы первый престолъ въ церкви былъ во имя Страстей Христовыхъ, второй — во имя Успенія Божіей Матери и третій — во имя всѣхъ святыхъ. У меня есть икона угодниковъ Божіихъ Кіево-печерскихъ съ частицами мощей ихъ. Есть еще Іерусалимская святыня — часть древа Животворящаго Креста Господня и гроба Божіей Матери и частица мощей мученицы Параскевы.

Земли у меня числится 540 десятинъ, изъ коихъ 40 десятинъ луговъ поемныхъ съ рыбной ловлею черезъ годъ въ Волгѣ, за Волгой 30 десятинъ дроваго лѣсу. Пахатной земли немного меньше 280 десятинъ. Есть и неудобная земля подъ дорогами и оврагами. Все, что имѣю — движимое и недвижимое имущество, я оставляю по духовному завѣщанію въ пользу монастыря будущаго. Есть еще 4% билеты на 8000 руб., на которые я намѣрена строить церковь. Остальныя постройки для причта и прочее, что будетъ нужно, можно совершить на доходы отъ имѣнія. Помимо того и главнымъ образомъ я надѣюсь на Бога; если Ему

угодно это дѣло, то Онъ снабдить насъ необходимыми средствами для устройства святой обители. Также и къ Вамъ, Владыко Святый, припадаю съ покорнѣйшею просьбою содѣйствовать мнѣ во всемъ зависящемъ отъ Васъ и научить меня, какъ нужно поступать“.

При этомъ письмѣ она приложила свое духовное завѣщаніе отъ 3 февраля 1903 года слѣдующаго содержания: „Я, нижеподписавшаяся княгиня Параскева Николаевна Волконская, будучи въ здоровомъ умѣ и твердой памяти, заблаго-разсудила на случай смерти распорядиться всеѣмъ своимъ имуществомъ слѣдующимъ образомъ: все мое движимое и благопріобрѣтенное недвижимое имущество, въ чемъ бы оно въ день моей смерти ни заключалось и гдѣ бы ни находилось, все безъ остатка завѣщаю въ полную собственность Епархіальнаго вѣдомства Казанской епархіи на устройство монастыря въ этой мѣстности“. Завѣщаніе это писано собственноручно г. Волконскою и засвидѣтельствовано подписями священника села Тинчурина Гр. Краснова и чиновника Михаила Димитріева.

Архипастырь Высокопреосвященнѣйшій Дмитрій отнесся съ полнымъ сочувствіемъ и отеческимъ довѣріемъ къ этому искреннему и истинно-христіанскому желанію благочестивой княгини, и Имъ приняты мѣры къ немедленному осуществленію этого благого намѣренія ея. Скоро княгиня подала официальную просьбу слѣдующаго содержания: „Прилагая при семь 1) купчую крѣпость за № 133 на принадлежащую мнѣ землю въ количествѣ 500 десятинъ и при ней луга и рыбныя ловли, состоящія въ Тетюшскомъ уѣздѣ при деревнѣ Любимовкѣ, 2) планъ на эту землю и 3) дарственную запись, имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Высокопреосвященство ходатайствовать предъ Св. Синодомъ о принятіи означеннаго имущества въ вѣдѣніе Епархіальнаго Начальства и объ учрежденіи на этой землѣ женской общины съ построеніемъ храма и съ назначеніемъ меня начальницею этой общины“. Дѣлу этому немедленно данъ былъ дальнѣйшій ходъ. По учиненіи должныхъ справокъ о запрещеніяхъ и недоимкахъ на имѣніи княгини Волконской, Казанскимъ Епархіальнымъ Начальствомъ чрезъ уполномоченнаго г. секретаря консисторіи имѣніе это было принято нотаріальнымъ порядкомъ на предложенныхъ жертвовательницею условіяхъ. Его Высоко-

преосвященствомъ отъ 4-го іюня 1903 г. послано было въ Св. Синодъ представленіе объ учрежденіи въ имѣніи княгини Волконской Тетюшскаго уѣзда женской общины съ построеніемъ храма и назначеніемъ княгини П. И. Волконской начальницею этой общины, а также объ исходатайствованіи Высочайшаго соизволенія на укрѣпленіе за вновь учреждаемой общиною жертвуемаго княгинею Волконскою имущества — 500 десятинъ земли при деревнѣ Любимовкѣ, 40 десятинъ поемныхъ луговъ, находящихся въ Спасскомъ уѣздѣ противъ той же деревни, со всѣми имѣющимися на этой землѣ строеніями, и рыбныхъ ловлей на рѣкѣ Волгѣ. Архипастыремъ при этомъ было указано: 1) при отсутствіи монастырей въ Тетюшскомъ и смежномъ съ нимъ Спасскомъ уѣздахъ открытіе женской общины на границѣ этихъ двухъ уѣздовъ, населенныхъ инородцами чувашами и татарами, будетъ безъ сомнѣнія полезно въ религіозно-нравственномъ отношеніи, и 2) жертвуемое княгинею Волконскою вышеозначенное недвижимое имущество вполне достаточно для обезпеченія существованія учреждаемой общины; кромѣ сего жертвовательница обѣщала представить 8000 руб. на постройку храма при общинѣ. Это ходатайство Владыки Св. Синодомъ было удовлетворено: указомъ Св. Синода отъ 4-го ноября 1903 года Архипастырь былъ увѣдомленъ, что женская община въ жертвуемомъ княгинею имѣніи учреждена съ такимъ числомъ сестеръ, какое она въ состояніи будетъ содержать на свои средства, и предоставлено Епархіальному Начальству назначить жертвовательницу Волконскую начальницею общины.

9-го іюня 1904 года въ тихой уединенной усадьбѣ княгини Волконской близъ города Тетюши состоялось открытіе новоучрежденной общины. Открытіе общины совершилъ Самъ Высокопреосвященнѣйшій Димитрій.

Возвратившись 25 мая изъ С.-Петербурга, куда вызывался Высочайшею Волею въ ноябрѣ прошедшаго года для присутствованія въ Св. Синодѣ, Архипастырь 8-го іюня отправился въ городъ Тетюши на церковное торжество открытія женской общины. Въ городъ Тетюши Его Высокопреосвященство прибылъ въ 3 часа дня; вечеромъ совершилъ всенощное бдѣніе и на другой день, 9-го числа, божественную литургію въ соборномъ храмѣ, въ приходѣ котораго состоитъ усадьба княгини Волконской — мѣсто новоучрежден-

ной общины. Всенощное бдѣніе и литургію Архипастырь совершалъ въ сослуженіи сонма священнослужителей, при многочисленномъ стеченіи народа. Ему сослужили: о. благочинный монастырей архимандритъ Екзакустодіанъ, кафедральный протоіерей А. Яблоковъ, епархіальный наблюдатель протоіерей П. Захарьевскій, мѣстный протоіерей Н. Яснитскій, благочинный священникъ В. Казанскій, и. д. благочиннаго священникъ Ѳ. Богоносцевъ и другіе, всѣхъ было до 14 человекъ.

По окончаніи литургіи Владыкою совершенъ былъ молебенъ Божіей Матери предъ Ея Казанской иконою, древнею и весьма чтимую мѣстными жителями. Въ 3 часа, по благословенію Его Высокопреосвященства, вышелъ изъ городского собора крестный ходъ съ означенной чудотворной Казанскою иконою Божіей Матери, обрѣтенной на площади, когда-то занимаемой Никольскимъ монастыремъ, и направился къ мѣсту открытія общины, отстоящему отъ города въ 7-ми верстахъ. Высокопреосвященнѣйшій прибылъ туда въ 5-ть часовъ вечера. Ко времени приѣзда Владыки собралось весьма много народа изъ города и окрестныхъ селеній. Около барскаго дома, который на первыхъ порахъ по открытіи общины будетъ служить молитвеннымъ домомъ съ келліями для сестеръ, Владыку встрѣтила княгиня Пр. Н. Волконская съ хлѣбомъ-солью и духовенство во главѣ съ благочиннымъ монастырей архимандритомъ Екзакустодіаномъ въ облаченіи съ крестомъ. Архипастырь прослѣдовалъ въ домъ. Здѣсь предъ Казанской иконою Божіей Матери, принесенною изъ Тегушскаго собора, и иконою Святителя Николая, привезенною Владыкою въ благословеніе новооткрываемой общинѣ, совершенъ былъ молебенъ съ водоосвященіемъ. Молебенъ Владыка совершилъ въ сослуженіи благочиннаго монастырей архимандрита Екзакустодіана, кафедральнаго протоіерея А. Яблокова, протоіерея П. Захарьевскаго, благочиннаго священника В. Казанскаго, священника С. Толдѣгина и священника А. Тимохина. Въ концѣ молебна Архипастыремъ прочитана была положенная молитва на освященіе дома, и окроплены были св. водою комнаты, предназначенныя для моленной, и весь домъ; Высокопреосвященнѣйшій Дмитрій окропилъ также и мѣсто, гдѣ, по Его указанію, предполагено построить храмъ, и водрузилъ здѣсь

крестъ. Молебствіе закончилось многолѣтіемъ Царствующему Дому, Св. Синоду, Высокопреосвященнѣйшему Димитрію, Архіепископу Казанскому и Свіяжскому и рабѣ Божіей Параскевѣ съ присными ея. Затѣмъ Владыка благословилъ новооткрытую женскую общину въ лицѣ ея будущей начальницы Параскевы Волконской иконою Святителя и Чудотворца Николая, Архіепископа Мирликійскаго,—во имя этого Угодника Божія устроится обитель въ воспоминаніе о существовавшемъ въ древности близъ города Тетюшъ Никольскомъ монастырѣ. Архипастырѣ при этомъ сказалъ слѣдующее привѣтствіе: „Обитель сія основывается, какъ извѣстно тебѣ, Христоролюбивая раба Божія Параскева, въ честь Святителя Николая. Она будетъ напоминать о древней обители Святителя Николая, которая существовала недалеко отсюда на такъ называемомъ „Богородичномъ рынкѣ“ близъ города Тетюшъ. Въ Казанской епархіи нѣтъ нынѣ ни одной обители съ именемъ этого Угодника Божія. Итакъ новооткрытая нами обитель будетъ теперь единственная Никольская обитель въ нашемъ Казанскомъ краѣ. Призываю Божіе благословіе на сію обитель,—да растетъ она и укрѣпляется. Да будетъ тебѣ, раба Божія Параскева, помощникомъ и покровителемъ въ святомъ дѣлѣ, тобою предпринятомъ,—дѣлѣ благоустройства этой обители, Святитель Николай, икону котораго вручаю тебѣ въ благословіе обители въ знаменательный день ея открытія“. Княгиня Волконская, тронутая этими словами, до земли поклонилась Архипастырю и благодарила Его за истинно Архипастырскія указанія и руководство въ дѣлѣ осуществленія завѣтныхъ ея намѣреній и просила Его не лишитъ обитель и ее своего мудраго и благостнаго руководства и въ будущемъ. Въ новооткрытой Никольской общинѣ въ присутствіи Архипастыря и по Его распоряженію тотчасъ было совершено первое богослуженіе въ честь Святителя и Чудотворца Николая,—всеобщное бдѣніе съ величаніемъ сему Угоднику Божію,—о. архимандритомъ Елизакустодіаномъ соборнѣ съ о. протоіереями и іереями вышеозначенными. Пѣли учителя и учительницы сосѣднихъ церковно-приходскихъ школъ во главѣ съ о. уѣзднымъ наблюдателемъ священникомъ І. Воскресенскимъ.

Стеченіе народа было весьма большое; но немногіе только могли помѣститься въ домѣ, гдѣ совершалось богослуженіе, и молиться въ немъ. Ради множества православныхъ, стоявшихъ внѣ дома и жаждавшихъ помолиться вмѣстѣ съ Архипастыремъ своимъ, Высокопреосвященнѣйшій совершилъ особый молебень на площади среди народа предъ Казанской иконою Божіей Матери, которую о.о. діаконы во время молебствія держали на рукахъ, поднявши высоко. Архипастырю, стоявшему на высокомъ помостѣ въ виду всего многочисленнаго собранія молящихся, сослужили тѣже выше означенныя лица. Это молитвенное собраніе во главѣ съ Архипастыремъ представляло зрѣлище глубокоумилительное. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ присутствовавшіе на этомъ торжествѣ получили добрыя впечатлѣнія и сохранять ихъ въ своей памяти надолго.

По окончаніи молебна Архипастырь обратился къ народу съ такимъ приблизительно словомъ: „Какое большое собраніе народа! Никогда, конечно, вы, братіе, не собирались сюда въ такомъ множествѣ. Что же нынѣ всѣхъ насъ привлекло сюда? Здѣсь сегодня великій праздникъ. Благочестивая благотворительница, княгиня П. Н. пожертвовала для спасенія души своей и ближнихъ все свое достояніе: она пожелала основать здѣсь женскую обитель съ храмомъ во имя Святителя Николая. Обитель эта должна быть для васъ особенно дорогою. Въ глубокой древности у васъ былъ на Богородичномъ рынкѣ близъ города Тетюшъ Никольскій монастырь. Новооткрытая нами здѣсь обитель съ именемъ тогоже Святителя Николая такимъ образомъ будетъ напоминать вамъ о древнемъ бывшемъ у васъ монастырѣ. Будьте благорасположены къ обители; будьте добрыми ея сосѣдями. Этотъ домъ вы и прежде знали и посѣщали, какъ домъ барскій. Теперь посѣщайте этотъ домъ, какъ домъ молитвы, какъ домъ, въ которомъ избранныя инокини будутъ вести жизнь въ подвигахъ вѣры и благочестія. Нынѣ этому дому, по слову Спасителя, пришло благословеніе и милость Божія. Мы совершили въ домѣ молебствіе, осветили его, какъ мѣсто молитвы; а тамъ, гдѣ имѣеть быть храмъ, мы водрузили крестъ и окропили мѣсто св. водою. Итакъ мы положили начало святой обители, въ которой всѣ вы въ благочестивой молитвѣ будете находить успокоеніе и отраду въ несчастіяхъ,

напастяхъ и скорбяхъ. Вотъ почему я и сказалъ, что день нынѣшній есть день великаго для васъ праздника. Съ этого дня любите мѣсто это, будьте благочестивыми прихожанами обители сей. У васъ храма вблизи нѣтъ; ходите на молитву сюда. Храмъ здѣсь хотя будетъ небольшой и едвали онъ вмѣститъ всѣхъ васъ, но въ немъ будетъ совершаться богослуженіе ежедневно, и потому каждый изъ васъ въ потребныхъ случаяхъ и обстоятельствахъ своей жизни можетъ посѣщать его и получить удовлетвореніе своимъ духовнымъ нуждамъ. Мы сейчасъ вознесли общую молитву предъ этою чтимою вами иконою Божіей Матери, чтобы подъ покровомъ Заступницы всего рода христіанскаго обитель сія во славу Божію и во спасеніе всѣхъ прибѣгающихъ подъ сѣнь ея благоустроилась, росла и возвеличилась. Благословеніе Господне да будетъ надъ всѣми вами всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ“.

Когда окончилось молебствіе, Архипастырь, разоблачившись, осматривалъ строенія и усадьбу новооткрытой женской общины. Усадьба общины занимаетъ пространство въ пятьдесятинъ и расположена по скату возвышенности, внизу которой протекаетъ рѣчка Улема. По низменности близь рѣчки тянется огородъ, засаженный разными овощами; а выше занимаетъ большую площадь фруктовый садъ. Не посредственно къ саду примыкаетъ домъ, предназначенный для моленной и келлій монастырскихъ. Домъ довольно помѣстительный: въ нижнемъ этажѣ — кухня, столовая и прачечная; въ среднемъ — 8 комнатъ и въ верхнемъ — двѣ большія комнаты, въ которыя ведетъ изъ средняго этажа теплый ходъ. Кроме дома при общинѣ имѣются слѣдующія постройки: два амбара деревянные, — одинъ крытъ желѣзомъ, другой тесомъ; — людская изба съ сѣнями, погребъ, каретникъ, скотный дворъ, рыга и другія. Община такимъ образомъ со дня возникновенія своего имѣетъ всѣ необходимыя въ общежитіи постройки и при нихъ въ достаточномъ количествѣ инвентарь — экипажи, плуги, сохи и др.; имѣетъ достаточно скота, — 6 лошадей, 23 коровы и другой болѣе мелкой живности; владѣетъ хорошими угодіями, которыя даютъ не менѣе 2000 руб. ежегоднаго дохода.

— отъко отъ Общинанонн гдѣрн нрѣтѣ амѣдрѣво амимидна нѣ ва

По осмотрѣ усадьбы Архипастырѣ возвратился въ домъ, гдѣ былъ предложенъ чай Ему и всѣмъ священнослужителямъ, участвовавшимъ въ торжествѣ открытія общины. За чаемъ Владыка велъ бесѣду съ княгинею Волконскою о благоустройствѣ обители, о сформированіи состава сестеръ, о построеніи храма; при чемъ Владыкою даны ей должныя соображенія и указанія. Въ 9½ часовъ вечера Архипастырѣ, преподавъ благословеніе всѣмъ присутствовавшимъ, отбылъ изъ общины обратно въ городъ Тетюши.

Такъ было положено начало существованія Никольской женской общины близъ города Тетюшъ. Въ настоящее время формируется составъ сестеръ для общины. Предназначенная быть начальницею ея—княгиня П. Н. Волконская готовится къ постриженію въ монашество. Планъ на построеніе храма при общинѣ изготовленъ и уже рассмотрѣнъ строительнымъ отдѣленіемъ при Казанскомъ губернскомъ Правленіи. Приступлено и къ самой постройкѣ храма.

Учредительница общины, отдавшая все свое достояніе для ея обезпеченія, достойна особеннаго вниманія, П. Н. Волконская 52 лѣтъ, дочь Симбарскаго помѣщика Николая Александровича Мотовилова и жены его Елены Ивановны. Николай Александровичъ Мотовиловъ—тотъ самый, котораго великій Саровскій подвижникъ, преподобный Серафимъ исцѣлилъ въ молодыхъ его годахъ отъ неизлѣчимой болѣзни ногъ однимъ своимъ словомъ 9 сентября 1831 года и которому много открылъ въ своихъ бесѣдахъ съ нимъ. Удостоившись милости Божіей, видимо явленной по молитвамъ преподобнаго Серафима, Н. А. во всю жизнь оставался ревностнымъ благоговѣйнымъ почитателемъ старца Серафима и заботился о томъ, чтобы всѣ завѣты его относительно Дивѣвской обители были исполнены. Послѣ блаженной кончины Саровскаго угодника Божія онъ собиралъ свѣдѣнія о житіи его и его трудахъ на пользу Дивѣвской обители и самъ, воодушевляясь примѣромъ преподобнаго Серафима, много изъ своихъ средствъ помогалъ обители въ ея матеріальныхъ нуждахъ. Часто посѣщая Дивѣво, онъ протягивалъ щедрую руку помощи бѣдствующимъ Дивѣвскимъ сестрамъ. Еще и теперь нѣкоторыя изъ сестеръ помнятъ, какъ величественно красивый Николай Александровичъ ходилъ по храму съ пучкомъ восковыхъ свѣчей, ставя съ видимымъ усердіемъ свѣчи предъ иконами. О его благо-

честивой нелицемѣрной настроенности свидѣтельствуется то, что онъ считалъ долгомъ ежедневно прочитывать тотъ или другой акаѳистъ, стоя на молитвѣ дома. Н. А. скончался вдали отъ Дивѣева, но тѣло его привезено было въ эту обитель и въ ней погребено ¹⁾.

Мать княгини Волконской Елена Ивановна съ раннихъ лѣтъ воспитывалась въ Дивѣевскомъ монастырѣ подъ руководствомъ близкихъ родныхъ—Параскевы и Марфы Семеновыхъ, посвятившихъ себя иноческой жизни и впоследствии принявшихъ схиму. Елена Ивановна и теперь находится при Дивѣевскомъ монастырѣ, доживая въ этомъ тихомъ пристанищѣ послѣдніе дни своего земного странствованія.

Отъ такихъ набожныхъ родителей княгиня П. Н. Волконская унаслѣдовала благочестивую настроенность. Она воспитывалась и обучалась въ домѣ своихъ родителей. Хотя при ней были гувернантки, но родители сами бдительно слѣдили за дѣломъ воспитанія и обученія своей дочери. Съ дѣтства она была приучена строго исполнять христіанскія обязанности. На мягкую дѣтскую душу П. Н. производили сильное впечатлѣніе нерѣдкія посѣщенія вмѣстѣ съ родителями Саровской и Дивѣевской обителей. Она неразъ и въ зрѣлыхъ лѣтахъ совершала трудное длинное путешествіе на поклоненіе дорогимъ для христіанъ святымъ мѣстамъ Іерусалима и Кіева. 16-ти лѣтъ была она выдана въ замужество за вдовца—князя Ивана Александровича Волконскаго, помѣщика Тетюшскаго уѣзда села Корланги. Но Господь видимо готовилъ ей другой путь жизни: она рано овдовѣла, имѣя на рукахъ двухъ дѣтей—сына Вячеслава и дочь Ольгу. Передъ смертью князь И. А. Волконскій продалъ свое имѣніе въ селѣ Карлангѣ, а для обезпеченія жены своей купилъ на ея имя имѣніе, гдѣ открыта нынѣ община. Не долго жила П. Н. и съ своими дѣтьми. Сначала она лишилась дочери, умершей отъ тифа; въ 1902 году потеряла и послѣднюю свою отраду и опору въ жизни—сына Вячеслава, студента уже университета. Такія тяжелыя испытанія, перенесенныя княгиною П. Н. на жизненномъ пути, укрѣпили духъ ея въ истинно-христіанскомъ напра-

¹⁾ Церковныя Вѣдомости 1904 г. № 30, ст. 115—116.

вленіи, приобрѣтенномъ еще въ дѣтствѣ. И вотъ она, оставшись въ одиночествѣ, безповоротно рѣшилась отдать себя всецѣло на служеніе Богу. Да поможетъ ей Господь въ дѣлѣ благоустроенія только что открытой общины!

Протоіерей А. Яблоковъ.

Священникъ Александръ Ивановичъ
Бѣлокуровъ.

3 іюля, въ 6 часовъ утра, въ глухомъ уголкѣ Тетюшскаго уѣзда, скончался скромный труженикъ на нивѣ Христовой, священникъ села Новаго Тинчурина Александръ Ивановичъ Бѣлокуровъ. Во все время своей 34-лѣтней пастырской службы покойный былъ ревностнѣйшимъ служителемъ церкви Божіей, убѣжденнѣйшимъ сѣятелемъ Евангельскаго ученія среди малокультурнаго инородческаго населенія своего прихода. Сознавая всю важность пастырскаго своего служенія, онъ былъ совершенно чуждъ какихъ-либо честолюбивыхъ и корыстолюбивыхъ стремленій. Будучи исполненъ смиренія, онъ съ глубокимъ смущеніемъ принималъ тѣ награды, которыми Епархіальное Начальство желало отличить его среди его сослуживцевъ. Примѣромъ его некорыстолюбія можетъ служить тотъ фактъ, что послѣ покойнаго—человѣка безусловно трезваго и въ своихъ матеріальныхъ потребностяхъ въ высшей степени воздержнаго—неоказалось почти никакого имущества, а денегъ на долю малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ его дѣтей осталось всего одинъ рубль 35 коп. По добротѣ своего сердца онъ не могъ принимать даже должнаго вознагражденія за свой трудъ отъ своихъ прихожанъ бѣдныхъ крестьянъ-инородцевъ, почему очень часто при своей многосемейности терпѣлъ нужду и недостатки, а въ голодный годъ вслѣдствіе этого вынужденъ былъ даже лишиться возможности продолжать образованіе одного изъ своихъ сыновей—Алексыя.

Не вдаваясь въ подробное изложеніе и оцѣнку его пастырской дѣятельности, скажемъ только, что вся жизнь покойнаго была сплошною упорною борьбою съ невѣжествомъ

и неутомимою работою надъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ полудикаго инородческаго населенія его прихода—чувашь.

Должную оцѣнку дѣятельности покойнаго, вѣроятно, сдѣлаеть его преемникъ, которому остается только продолжать начатое покойнымъ великое дѣло просвѣщенія инородцевъ: эта оцѣнка будетъ лучшею наградою бывшему труженнику на нивѣ Христовой.

Миръ праху твоему добрый пастырь стада Христова!

Священникъ *Вячеславъ Бляокуровъ*.

Переводы христіанскихъ книгъ на инородческіе языки въ первой половинѣ XIX в.

(Историческій очеркъ).

(Продолженіе).

Теперь мы остановимъ наше вниманіе на чувашскомъ переводѣ Псалтири, изданной въ Казани въ 1858 г. Чтобы рельефнѣе выяснитъ причину, почему переводы, сдѣланные до введенія просвѣтительной системы Н. И. Ильминскаго, оказались бесполезными въ дѣлѣ просвѣщенія инородцевъ, мы позволимъ себѣ остановиться подольше на разборѣ этого перевода. Всѣ переводы первой половины XIX вѣка имѣютъ общіе недостатки, а потому подробный разборъ одного изъ нихъ можетъ дать характеристику и остальныхъ.

Псалтирь переведена на чувашскій языкъ, какъ значится на обложкѣ ея, священникомъ Ст. Элпидинымъ. По происхожденію онъ былъ русскій, всю свою жизнь служилъ въ чувашскомъ селѣ Туванахъ, Курмыш. у. Переводческимъ дѣломъ онъ занимался и раньше. Около 1830 г. по порученію преосв. Филарета имъ составлена чувашская грамматика. Книга „Начатки христіанскаго ученія“ на чуваш. языкъ переведена имъ же. Псалтирь, вѣроятно, переводилъ онъ по собственной инициативѣ, движимый желаніемъ послужить дѣлу христіанскаго просвѣщенія чувашь. Помѣщенное въ началѣ Псалтири объясненіе и въ концѣ книги—примѣ-

чаніе, а также самый текст перевода доказываютъ въ переводчикѣ основательное знакомство, по своему времени, съ чувашскимъ языкомъ, и не только съ однимъ мѣстнымъ говоромъ чувашъ Курмышскаго у., но и съ нарѣчіями чувашъ Казанской, Самарской и Уфимской губерній. Его указанія (въ объясненіи и примѣчаніи въ Псалтири) о характерныхъ особенностяхъ чувашскаго языка въ сравненіи съ русскимъ (калаза туратьче, пыма больше, залогъ страдательный, послѣположенія), а также о разностяхъ въ нарѣчіяхъ чувашъ (Тора-Тура, пось-пусь, калаза-каларь, кайза-кайре, телейна-рескалла и т. п.) совершенно вѣрны. Съ нѣкоторыми изъ его указаній мы, впрочемъ, не можемъ согласиться, напр., относительно союзовъ: да, вара, чтобы, потому что (подробнѣе объ нихъ будетъ говорено ниже, при разборѣ самаго текста перевода).

Дѣлать подробный разборъ, стихъ за стихомъ, всей Псалтири излишне, такъ какъ однѣ и тѣ же ошибки повторяются въ каждомъ псалмѣ, поэтому мы разсмотримъ только одинъ первый псаломъ.

Всѣ псалмы надписываются такъ: „Іорланы Давидынъ“. Переводчикъ хотѣлъ, безъ сомнѣнія, выразить „пѣснь Давида“, но у него вышло „пѣль Давида“. „Пѣснь“ по чувашски „іоры“ (мы пишемъ чувашскія слова по транскрипціи о. Эллидина), которое въ притяжательной формѣ переходитъ въ „іорри“; получается: „іорри Давидынъ“. Согласно закону чувашскаго языка—всякое зависящее или дополнительное слово ставить предъ управляющимъ—слова переставляются первое на мѣсто второго, и получаемъ: „Давидынъ іорри“. Въ словѣ „Давидынъ“ окончаніе „ынъ“ по свойству чувашскаго языка отбѣкается, какъ и всегда въ такихъ случаяхъ (Сынъ Бога—Торы Ывыли; слово Пророка—Пророкъ сымаги, а не Торрынъ, Пророгынъ), получается совершенно правильная форма: „Давидъ іорри“. Слово „пѣснь“ переводчикъ, очевидно, хотѣлъ замѣнить словомъ „пѣніе“, по-чувашски „іорланы“ (а не „іорланы“,—что въ переводѣ значитъ „пѣль“), почему—неизвѣстно, такъ какъ значеніе слова „пѣснь“—„іоры“ ему было извѣстно (см. псал. 32, 3; 91, 1; 97, 1; 136, 4; 143, 9; 149, 1).

1 ст. Телейла синъ, хуже озаль канажа килместь, силыхла синзамъ іивръ—синя тумасть, озалзамъ погхоня—да

дармасть“. — Укажем сначала на ошибки в отдельных словах, а потом в построении цѣлой рѣчи. Слово „Совѣтъ нечестивыхъ“ переведено неправильно „озаль канажа“, что въ переводѣ на русскій языкъ значитъ „на нечестивый совѣтъ“. Можно было передать точнѣе „озаль санъ канашне“ (на совѣтъ нечестивыхъ людей), такъ какъ слово „озаль“, когда употребляется безъ опредѣляемаго слова, означаетъ злыхъ духовъ. Слово „путь“ переведено здѣсь неправильно (а также — 2; 50, 15; 127, 1 и др.) словомъ „ирь“, что означаетъ: слѣдъ, черта, линия, но никогда и нигдѣ не употребляется въ смыслѣ „путь“, для обозначенія дорогаго существа въ прямомъ и словѣ „сіоль“, какъ и переведено въ некоторыхъ мѣстахъ у Иоло Эллидина (см. пс. 15, 11; 17, 22; 26, 11). „Не сидить въ собраніи развратителей“ переведено „озаль замъ похине — да дармасть“, что въ переводѣ на русскій языкъ значитъ „не сидить въ собраніи развратителей“. Неправильно. Нужно перевести: „похинче“.

Теперь рассмотрим тотъ стихъ со стороны словосочиненія. Инородческіе языки имѣютъ свои особые способы подчиненія зависящихъ предложеній главному. Въ русскомъ языкѣ имѣетъ большую роль относительное мѣстоименіе (который), а въ инородческихъ языкахъ относительнаго мѣстоименія вовсе нѣтъ. И потому довольно часто встрѣчающійся въ прежнихъ переводахъ оборотъ съ относительнымъ мѣстоименіемъ есть положительная фальшь, неправильность. А что въ чувашской (составленной тѣмъ же о. Эллидинымъ) и черемисской грамматикахъ, изданныхъ въ Казани въ 30-хъ годахъ, написаны относительныя мѣстоименія: чувашское — хужъ, черемисское — кула, магана, то это ошибка: это мѣстоименія вопросительныя, которыя попали въ разрядъ относительныхъ по недоразумѣнію. Вотъ эту-то фальшь допускаетъ о. Эллидинъ и при переводѣ Псалтири. На чувашскій синтаксисъ онъ смотритъ сквозь призму русскаго словосочиненія и вслѣдъ обороты съ относительнымъ мѣстоименіемъ переводитъ согласно конструкціи русскаго языка (см. пс. 1, 1 и 3; 7, 5; 14, 2 и 4 и т. д.), вслѣдствіе чего получаются обороты неясные, дикіе, а потому непонятные для чувашъ. Какъ же чуваша поступаютъ при составленіи такихъ оборотовъ, которые въ русскомъ языкѣ составляются

при помощи относительнаго мѣстоименія „который“? Въ такихъ случаяхъ чувашинъ предложеніе опредѣлительное, въ которомъ стоитъ относительное мѣстоименіе, сочиняетъ посредствомъ причастной формы какъ отдѣльное прилагательное имя и ставитъ его (опредѣл. предложеніе) предъ опредѣляемымъ словомъ, а не послѣ него, какъ въ русскомъ языкѣ; сказуемое ставитъ въ концѣ предложенія. Согласно этому правилу, 1-ст. 1 пс. нужно перевести такъ: Озаль синзанинъ канашне сіуремень синъ, силыхлы синзанинъ сіоли сине тыманъ синъ, кымла астароганъ синзанинъ пугувунче ларманъ синъ телейле. (На совѣтъ нечестивыхъ не ходившій, на пути грѣшныхъ не стоявшій, въ собраніи развратителей не сидѣвшій человекъ блаженъ). 2-ст. Сибсинять вара Торынъ законъ батня, Онь законъ-жынъ да сюринъ конинъ шошлатъ. Въ этомъ стихѣ неудачно переведена первая половина стиха: сибсинять — вара Торынъ законъ батня пристаетъ (или прилѣпляется) тогда къ закону Господню. Въ данномъ случаѣ не было нужды отступать отъ текста, можно было передать точнѣе: онынъ криги (или кымлы) Торы закони синче (воля его въ законѣ Господа). Это совершенно правильное чувашское выраженіе. А выраженіе: сибсинять законъ батня (прилѣпляется къ закону) совсѣмъ не чувашское, ни одинъ чувашинъ такъ не выразится. Если-бы даже и можно было такъ выразиться, то „къ закону“ нужно-бы перевести не „законъ батня“, а „законъ сюмне“. Предлогу „къ“ въ чувашскомъ языкѣ соотвѣтствуютъ два предлога: „батне“ и „сюмне“, имѣющіе каждый свое значеніе. Первый употребляется въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно выразить направленіе къ какому-нибудь предмету, а второй — съ глаголами: приложиться, прислониться, пристать, примѣниться. Напр., „подойди къ печкѣ“ по-чувашски будетъ: „кымага батне пыръ“, а „прислонись къ печкѣ“, — „кымага сюмне таянъ“.

3 ст. Сява шива хиринче лараганъ йивысь бекъ, хуже хизепле выгытра хунавъ барать, хужинъ словльче кожмасть, порь тувны онынъ переггетле. Мы уже не будемъ говорить здѣсь о неправильности построенія всей рѣчи, происшедшей отъ смѣшенія вопросительнаго мѣстоименія съ относительнымъ, объ этомъ говорено уже было при разборѣ 1-го стиха. Здѣсь же укажемъ только на неудачное употреб-

леніе отдѣльныхъ словъ. „Сява“—этотъ—(подразумѣвается: этотъ) человекъ) нужно замѣнить словомъ „выль“ (онъ); иначе слово „сява“ будетъ относиться къ слову „шива“ и получится: „эта вода“. Вообще въ чувашскомъ языкѣ опредѣлительныя слова отдѣльно отъ опредѣляемыхъ не употребляются. Незнаніе этого правила путало переводчика и въ другихъ мѣстахъ, напр. въ 90 пс. слово „Вышній“ онъ переводитъ буквально „Скльди“. Для чувашина совершенно непонятно. Надо переводить „Сюнди Тора“ (Вышній Богъ). Слово „плодь“ переведено неправильно „хунавъ“, что значитъ: „отпрыскъ, молодая вѣтка“. Нужно поставить „симись“ („плодь“ въ приложеніи къ дереву, а безотносительно—пища, кушанье). Въмѣсто „кожмасть“ (не высыхаетъ или не разсыхается) нужно поставить „шанмасть“—не вянетъ. Въмѣсто „тувны“—сдѣлалъ (глаголь прош. вр. ед. ч., 3 л.)—нужно поставить отглагольное существительное: „туни“—дѣланіе. „Перегетли“ нужно замѣнить словами „ынза пыратъ“. „Перегетле“ употребляется у чувашъ только по отношенію къ кушаньямъ и напиткамъ; говорятъ: „сикыръ перегетле“, „сыра перегетле“ (хлѣбъ спорый, пиво спорое), а по отношенію къ дѣлу (дѣло спорится) чуваша говорятъ: „исъ ынза пыратъ“ (дѣло успѣшно идетъ).

4 ст. Апла маръ озалзамба болатъ; вулзамъ тозанъ силбе вистарна—бекъ. Въ первой половинѣ стиха фраза въ синтаксическомъ отношеніи не чувашская, а русская. Надо переставить слова такъ: „озалзамба апла балмасть“, а лучше всего, чтобы не отступать безъ нужды отъ славянскаго текста, перевести такъ: „азаль синзамъ апла маръ“. И съ текстомъ вполне согласно, и въ отношеніи къ строю чувашскаго языка правильно. Во второй части стиха нечестивые сравниваются не съ пылью, возметаемой вѣтромъ, какъ бы слѣдовало по тексту, а съ возметаніемъ (дѣйствіе) пыли вѣтромъ; кромѣ того пропущены слова „отъ лица земли“. Отступленіе небольшое; но все-таки не слѣдуетъ дѣлать и такого отступленія, когда есть къ тому возможность. Слѣдуетъ перевести такъ: вулзамъ сиръ синчень силь вистерзя пидерегень тозанъ бекъ.

5 ст. Озалзамъ суда тюзаймесь, сильхлызамъ таза синзамъ погыра больмесь. Въ началѣ стиха слѣдуетъ поставить пропущенное переводчикомъ слово „сявынба“ (поэтому).

Вмѣсто „озалзамъ, — силыхлызамъ“ (нечестивые, грѣшницы) надо поставить: „озаль синзамъ, силыхлы синзамъ“ (нечестивые люди, грѣшные люди), по указанному выше правилу — не ставить опредѣлительныхъ словъ безъ опредѣляемыхъ. Въ словахъ „таза синзамъ“ въ послѣднемъ нужно перемѣнить падежное окончаніе: здѣсь поставлено окончаніе именительнаго пад. мн. ч. „замъ“, а требуется окончаніе род. мн. ч. „ень“. Такое смѣшеніе падежныхъ окончаній встрѣчается въ Псалтири довольно часто. Остается еще сказать относительно окончанія слова „погыра“ (въ собраніи, въ совѣтѣ). Въ русскомъ языкѣ окончаніе въ словѣ „въ собраніи“ остается безъ измѣненія, говорится-ли „въ собраніи“ безотносительно, или въ притяжательной формѣ: въ моемъ, твоемъ, его собраніи; но въ чувашскомъ — не такъ. Въ чувашской этимологіи есть характерныя притяжательныя окончанія для каждаго лица особо, выражающіяся въ дательномъ и винительномъ падежахъ. Напр., „пугура“ — въ собраніи — просто дательный пад. (безотносительно); „пугувымра“ — въ (моемъ) собраніи, притяжаніе 1-го л. ед. ч.; „пугувинда“ — въ (твоемъ) собраніи, притяжаніе 2 л.; „пугувинче“ — въ (его, ея) собраніи, притяж. 3 л. Поэтому въ 5 ст. 1-го пс. нужно поставить „таза синзень *пугувинче*“. Будучи незнакомъ съ этою особенностью чуваш. языка, переводчикъ надѣлалъ массу ошибокъ противъ указаннаго правила, и конечно, страшно затемнилъ этимъ текстъ Псалтири, и безъ этого трудно понимаемый простымъ народомъ (пс. 2, 7; 3, — 4, 5, 8; 5, 12; 6, 6; 7, 6; 8, 3 и т. д. въ Псалтири). Въ 6 ст. Омба што Тора билать таза синзамъ ирня; озаль синзамъ ирзамъ пюдса — каесь. Въ словѣ „синзамъ“ въ обоихъ случаяхъ нужно поставить окончаніе род. пад. „ень“. Теперь мы должны коснуться весьма важнаго и существеннаго заблужденія переводчика въ употребленіи союзовъ. У него вездѣ фигурируютъ союзы: омба што, соответствующій яко-бы русскому „ибо“; што — что, чтобы; да — и; вара — же; хусянь — когда. Эти союзы совершенно и не свойственны не только чувашскому, но и другимъ, сроднымъ ему инородческимъ языкамъ. Первые четыре союза представляютъ изъ себя не иное что, какъ непонятное (дикое) искаженіе русскихъ союзовъ. „Вара“ хотя и употребляется, но не въ соответствіе русскимъ союзамъ „же“ или „но“; „окакъ это

дѣлаеть переводчикъ (пс. 3, 4; 5, 8; 9, 8 и т. д.), а въ соотвѣтствіе союзу „тогда“. „Хусянь“ также употребляется, но только въ формѣ вопросительной, а не въ вводныхъ предложеніяхъ, какъ это дѣлаеть о. Эллидинъ (пс. 3, 1; 4: 3, 4, 8 и т. д.). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напр. въ Буин. уѣздѣ) чуваша употребляютъ союзъ „мижинъ тезень“ въ соотвѣтствіе русскому „ибо, потому что“, но употребляютъ только въ разсказахъ, а не поэтическихъ, какъ Псалтирь, произведеніяхъ, да и то рѣдко. Неудобство употребленія указанныхъ союзовъ сознаеть и самъ переводчикъ. Въ объясненіи къ Псалтири онъ пишетъ: „если же въ переводѣ употреблены союзы: чтобы и потому что, то это совсѣмъ противно идиотизму языка, а допущено только для точности перевода въ согласность съ подлинникомъ“. Но можно переводить и чисто чувашскимъ языкомъ, нисколько не нарушая точности подлинника. Способовъ въ тому въ чувашскомъ языкѣ много. Когда требуется одно предложеніе подчинить другому или связать съ другимъ посредствомъ союзовъ, то чуваша въ такихъ случаяхъ изворачиваются различно: то глаголь придаточнаго предложенія обращаютъ въ причастіе или дѣепричастіе, то глаголь обращаютъ въ отглагольное существительное съ приставкой къ нему падежныхъ окончаній, то длинные и сложные періоды разбиваютъ на составныя предложенія и располагають ихъ въ порядкѣ естественнаго хода дѣйствій и перелагаютъ какъ самостоятельныя. Употребленіе же чуждыхъ чувашскому языку союзовъ нисколько не опредѣляетъ и не уясняетъ соотношенія мыслей, а только болѣе затемняетъ мысль, иногда даже прямо ведетъ въ неправильнымъ мыслямъ. Напр.; „Тора - *вара* іумюрахъ борнать“—Господь *тогда* во вѣкъ пребываетъ (пс. 9, 8). Здѣсь внушается мысль, что если-бы Господь не уничтожилъ враговъ (ст. 7), то не могъ-бы, пожалуй, пребывать тогда во вѣкъ.

Теперь мы сдѣлаемъ нѣсколько указаній на недостатки, которыхъ не могли коснуться при разборѣ перваго псалма. Въ чувашскомъ языкѣ, какъ и въ другихъ, сродныхъ съ нимъ, инородческихъ языкахъ тюркской группы, есть законъ созвучія или сингармоншума, по которому слово должно заключать или все грубые, или же все тонкіе звуки. Исключенія весьма рѣдки, хотя есть. Этому закону подчи-

няется и союзъ „да“, соответствующій русскому „и“, но употребляющійся только въ извѣстныхъ случаяхъ. Послѣ словъ съ тонкими гласными звуками этотъ союзъ переходитъ въ „де“. Переводчику, очевидно, неизвѣстно было это свойство чувашскаго языка (см. пс. 2, ст. 4, 8, 10, 11, 12; 3 пс., ст. 4, 8 и т. д.). Ошибки эти не такъ важны, чтобы лишали возможности понимать текстъ перевода, но неприятно рѣжутъ ухо инородца—чувашина, точно такъ же, какъ неприятно русскому человѣку слушать чувашина, ломающаго русскую рѣчь: „я савтръ лошадемъ пойду на пасаръ акурца купать“, вмѣсто: „я завтра поѣду на базаръ огурцы покупать“.

Переводчикъ часто ошибается въ сочетаніи опредѣлительнаго слова съ опредѣляемымъ. Въ чувашскомъ языкѣ опредѣлительное слово всегда ставится впереди опредѣляемаго, а переводчикъ дѣлаетъ какъ разъ наоборотъ, напр.: пс. 2, 6—Сіонъ Святой, надо—Святой Сіонъ; 2 ст. того же пс.—Ивыль Манынь, надо—Манынь Ивыль; 12 ст.—силли Онынъ, надо—Онынъ силли и т. д.

Встрѣчаются слова, сочиненныя, очевидно, самимъ переводчикомъ и непонятныя для чувашъ. Напримѣръ: „смелле (для обозначенія „благослови“), смеллени, смеллединъ, смелленны“ (пс. 3, 9; 5, 13; 23, 5; 143, 20); „падыжь“ (50, 3). Первое изъ этихъ словъ „смелле“ заимствовано отъ мусульманъ и представляетъ изъ себя передѣлку арабскаго слова „бисмилляги“—во имя Бога. Оно употребляется у чувашъ при начатіи всякаго дѣла въ видѣ „бисмилле“, или въ сокращенномъ видѣ „смилле“, хотя значеніе его ни одинъ чувашинъ не понимаетъ, даже, насколько намъ извѣстно, не понимаетъ большинство татаръ мусульманъ изъ неграмотныхъ. Въ другихъ же формахъ: „смеллени (благословеніе—по мнѣнію переводчика), смеллединъ (благословляешь), смеллены (благословилъ)“ чуваша никогда и нигдѣ не употребляютъ этого слова. Вторымъ словомъ „падыжь“ переведено слово „щедроты“ и, очевидно, оно произведено отъ слова „парас“ (давать); но нигдѣ оно такъ не употребляется.

Встрѣчаются слова чувашскаго же происхожденія, но не въ мѣсту употребленныя, а потому могущія сообщить читающему неправильное понятіе. Напр., въ 5 пс., 6 ст. „ухмагземъ“—ругательное слово „дураки“ вмѣсто „ипргсырь борнаганземъ“ (нечестивые или нечестиво живущіе). Слово

„адъ“ переведено (6, 6; 29, 4; 30, 18) „тамькъ хорани“ — котель ада. Внушается языческое представление объ адѣ. Надо переводить однимъ словомъ „опамыкъ“ — адъ. Въ 9 пс. 26 ст. вмѣсто „инзе“ (далеко) поставлено: „кадара“ — на краю. Слово „левъ“ (по-чуваши — арысланъ) вездѣ (пс. 9, 30; 7, 3; 90, 13) переведено: „каикъ хози“ (хозяинъ птицъ). Очевидно, переводчику неизвѣстно было слово „арысланъ“ и онъ хотѣлъ замѣнить его словами: „хирь-каикъ-хози“ (хозяинъ звѣрей). Въ 50 пс. 7 ст. слово „зачала“ переведено: „тапратре“, что значитъ: начала выменить; употребляется только по отношенію къ животнымъ. Прямого слова „зачатіе“ въ чувашскомъ языкѣ нѣтъ, такъ что приходится переводить этотъ стихъ перифразомъ. Въ 3 пс. 8 ст. слова „Боже мой“ переведены: „палтыръ манинь“ — богатырь мой. Въ томъ же стихѣ слово „поражаемъ“ переведено: „сіюпса ярадынъ“ — пощечину даешь. Слово „жертва“ вездѣ переведено словомъ „чувъ“, что означаетъ жертву, приносимую чувашами разнообразнымъ духамъ, добрымъ и злымъ (киреметямъ), а поставленное въ 50 пс. 21 ст. „асла чувъ“ (великая жертва) означаетъ жертву, которую чуваша торжественно приносятъ Богу весной при моленіи о дождѣ. Во время этого моленія чуваша приносятъ въ жертву быка, барановъ, гусей, утокъ, а иногда и кобылу. Поэтому слово „чувъ“ въ Псалтири употребляеть совсѣмъ неумѣстно. Оно должно внушить чувашамъ мысль, что ихъ „чуки“ предписаны Самимъ Богомъ. Есть въ чувашскомъ языкѣ болѣе подходящее слово „парне“ для обозначенія слова „жертва“. Также неудачно употребляется въ переводѣ слово „люлюхъ“ — ангель (пс. 8, 6; 33, 8; 90, 11; 102, 22; 103, 4 и т. д.). Слово это чувашское, но языческаго происхожденія: означаетъ особыхъ духовъ, почитаемыхъ язычествующими чувашами. Вслѣдствіе этого при чтеніи слова „люлюхъ“ чувашину невольно будетъ навязываться языческое представление объ этихъ духахъ. Слово „ангель“, равно и другія греческія слова, получившія гражданство въ русско-славянскомъ языкѣ, слѣдуетъ оставлять безъ перевода, чѣмъ подмѣнять ихъ словами, имѣющими языческое или мусульманское происхожденіе. Въ 90 пс. 4 ст. слово „плещма“ неправильно переведено словомъ „кикириксамба“, которое означаетъ въ чувашскомъ языкѣ: пѣтушинный гре-

бень. Въ русскомъ текстѣ стоитъ слово „перьями“, которое о. Элидинъ, по недоразумѣнію, перевелъ словомъ „кикирикамба“. Надо было поставить „тиксамба“ (тикъ—перо), если буквально придерживаться русскаго текста. Въ 151 пс. 6 ст. слово „идолами“ переведено, вѣроятно, тоже по недоразумѣнію, словомъ „погавизамба“ (съ куклами).

Изъ изложеннаго явствуетъ, что переводъ Псалтири сдѣланъ крайне неудовлетворительно, хотя, нужно замѣтить, этотъ переводъ былъ сдѣланъ уже въ 50-хъ годахъ XIX ст. Хотя мы выше сказали, что о. Элидинъ съ чувашскимъ языкомъ былъ знакомъ основательно, но сказали это относительно. Въ сравненіи съ переводами, сдѣланными раньше, его переводъ стоитъ несравненно выше. Недостатокъ, господствовавшій въ прежнихъ переводахъ—буквальное соблюденіе русской конструкции—имъ въ значительной степени сглаженъ. Встрѣчаются въ его переводѣ такіе чисто чувашскіе, характерные обороты и слова, которые часто не приходятъ въ голову даже намъ, природнымъ инородцамъ, жившимъ и живущимъ продолжительное время среди русскихъ.

Во всѣхъ разсмотрѣнныхъ переводахъ—Катхизисахъ, Евангеліяхъ и Псалтири—есть еще одинъ общій недостатокъ, имѣвшій большое вліяніе на неясность сихъ переводовъ. Это—неприноровленіе русскаго алфавита къ фонетикѣ инородческихъ языковъ. Устранить этотъ недостатокъ переводчики, конечно, не въ состояніи были въ то время, хотя попытки къ примѣненію русскаго алфавита къ инородческой фонетикѣ были. Въ 1817 г. преосв. Амвросій Протасовъ предписалъ правленію Казанской Академіи: „1) собрать знающихъ оныя (чуваш. и черем.) языки священнослужителей, особенно учившихся въ академіи, и отобрать отъ нихъ обстоятельно, годится ли російскій алфавитъ для сихъ языковъ, и есть ли въ ономъ всѣ литеры для произношенія словъ и слоговъ нужные, или не достаетъ какихъ-либо? 2) Въ семь послѣднемъ случаѣ придумать, какими литерами замѣнить оныя недостающія въ тѣхъ языкахъ, или избрѣсть новыя?“¹⁾ Предписаніе это, вѣроятно, было отчасти при-

¹⁾ См. Дѣло о составленіи азбуки, букваря и грам. на чуваш. и черем. языкѣ—въ Архивѣ Каз. сем. правл. за 1817 г. № 34.

ведено въ исполненіе, такъ какъ въ изданномъ въ 1820 г. чувашскомъ Евангеліи встрѣчается уже маленькое измѣненіе въ русскомъ алфавитѣ, а именно — двугласная буква „іо“, но этимъ только и ограничилось пока все дѣло. Въ переводахъ о. Эллидина появляются уже другія измѣненія: гг, іо, іу, іи. Но и эти измѣненія недостаточны были для точной и ясной передачи звуковъ чувашскаго языка. Въ чуваш. языкѣ есть два характерныхъ звука, которые слышатся въ разговорѣ постоянно, но, по причинѣ бѣглости ихъ, для русскаго человѣка почти неуловимы. Одинъ изъ нихъ занимаетъ среднее положеніе между звуками: а, у, ы; другой между звуками: и, э. По транскрипціи, установившейся съ 70-хъ годовъ, эти звуки изображаются буквами: ѣ, ё. До 70-хъ годовъ не было значковъ для этихъ звуковъ. Въ рассматриваемыхъ переводахъ первый изъ этихъ звуковъ замѣняется то звукомъ „а“, то звукомъ „у“; второй замѣняется то звукомъ „и“, то звукомъ „е“; вслѣдствіе этого часто встрѣчаются въ переводахъ двусмысленныя слова, которыя можно понять и такъ и иначе. Напр., 11 ст. 2 пс.: „Ислерь Торра хураза, хюбердеръ за оно шикланза“. Слово „ислерь, хюбердеръ“ можно понять двояко: въ смыслѣ: работайте радуйтесь, и въ смыслѣ: будемъ работать, будемъ радоваться (желательно-понудительная форма). Если же написать эти слова по транскрипціи настоящаго времени, ни для какой двусмысленности не остается мѣста: ёслёр (работайте), хёпёртёр (радуйтесь). По этой же причинѣ слова: „Сіонъ хирь“ (9 пс. 15 ст.) можно понять также двусмысленно: „дщерь Сіона“ и „поле Сіона“. Въ 22 ст. того же пс. слово „турадынъ“ можно понять: стоишь, находишьса, а можно понять и такъ: крожишь. Въ 12 ст. 90 пс. слово „алара“ можно понять: на рукахъ, а можно понять и по другому: въ рѣшетѣ. Такихъ неясныхъ и двусмысленныхъ словъ, происшедшихъ отъ недостаточности алфавита, масса въ указанныхъ переводахъ.

Обзоръ переводовъ будетъ неполонъ, если мы не коснемся еще цѣлой серіи татарскихъ переводовъ, которые можно назвать казембековскими. Какъ намъ уже извѣстно, отступническое движеніе, начавшееся въ 20-хъ годахъ, было пріостановлено благодаря ревности преосвящ. Филарета. Но въ 40-хъ годахъ среди крещеныхъ татаръ началось

новое отступническое движеніе. Это обстоятельство послужило причиной къ тому, что въ высшихъ правительственныхъ сферахъ возникла мысль объ открытіи въ татарскихъ приходахъ христіанскаго богослуженія на татарскомъ языкѣ. А для этого нужно было перевести на татарскій языкъ хоть самыя необходимыя богослужебныя книги. Въ виду этого въ январѣ 1847 г. Государь Императоръ Николай I, какъ это видно изъ предложенія синодальнаго оберъ-прокурора Протасова правленію Казанской духовной академіи отъ 5 февраля, Высочайше повелѣть соизволилъ: „приготовить переводъ на татарскій языкъ необходимѣйшихъ духовныхъ книгъ православнаго исповѣданія съ тѣмъ, чтобы можно было учредить православное на семь языкъ богослуженіе для татаръ, принявшихъ православную вѣру“¹⁾. Въ августѣ того же года при Казанской академіи образованъ былъ для перевода означенныхъ книгъ особый комитетъ. Въ составъ комитета, по приглашенію епархіальнаго и академическаго начальства, тогда же съ одушевленною и безкорыстною готовностію вступилъ проф. Казан. Университета А. К. Казембекъ, пользовавшійся высокимъ авторитетомъ знаменитаго оріенталиста. Другими членами комитета были назначены: ректоръ академіи арх. Григорій и молодой бакалавръ Н. И. Ильминскій, будущій великій просвѣтитель инородцевъ. Въ 1848 году на Казанскую кафедру поступилъ архіеп. Григорій (Постниковъ), который въ качествѣ предсѣдателя Переводческаго Комитета сталъ дѣятельнѣйшимъ руководителемъ по переводческому дѣлу. Въ 1849 г. составъ Комитета увеличился новымъ членомъ и дѣятель-

¹⁾ Историческія свѣдѣнія объ этихъ переводахъ заимствуются нами изъ слѣдующихъ документовъ и книгъ: Дѣло въ архивѣ внѣшн. правл. Каз. Д. Ак. за 1847 г. подъ № 27; Протоколы переводч. комитета въ дѣлѣ внутр. правл. 1847 г. № 120; дѣла внутр. правл. 1849 г. № 55, 1850 г. № 52, 1851 г. № 4 и 8, 1855 г. № 39, 1857 г. № 50; Исторія Каз. Дух. Акад. П. В. Знаменскаго, т. II, стр. 345—356, 409—410, 429; того же автора „на память о Н. И. Ильминскомъ“, Казань, 1892, стр. 30—40, 49—55, 60—69, 110—114, 184, 209—214; его же отдѣльная брошюра „О татарскихъ переводахъ христіанскихъ книгъ“, Казань, 1894 г.

нѣйшимъ сотрудникомъ въ лицѣ Г. С. Саблукова, извѣстнаго знатока арабскаго и татарскаго языка. Онъ былъ сначала учителемъ въ Саратовской семинаріи, а въ 1849 году былъ назначенъ на преподавательскую должность по татарскому языку въ Казанской академіи и семинаріи. Своими учеными трудами по кафедрѣ противомусульманскаго отдѣленія академіи онъ послѣ приобрѣлъ себѣ извѣстность заслуженнѣйшаго профессора академіи. Съ такимъ составомъ Комитетъ работалъ въ теченіе болѣе чѣмъ 10 лѣтъ. Комитету поручено было перевести изъ богослужебныхъ книгъ на татар. языкъ только тѣ части, которыя читаются и поются въ слухъ народа. Такъ какъ переводъ Нов. Завѣта, изданный Библ. Обществомъ, признанъ былъ совершенно непригоднымъ, то Комитету поручено было пересмотрѣть и исправить этотъ переводъ или, если окажется это нужнымъ, передѣлать совершенно заново.

Священникъ *К. Прокотьевъ.*

(Окончаніе въ слѣд. №).

Случай чудеснаго исцѣленія больной предстательствомъ новопрославленнаго Угодника Божія Преподобнаго Серафима, Саровскаго чудотворца.

Въ приходѣ села Солдатскаго, Елецкаго уѣзда, въ 1903 году имѣлъ мѣсто случай исцѣленія больной по молитвамъ Преподобнаго о. Серафима Саровскаго, при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Жена состоятельнаго по деревенски крестьянина, мать четырехъ дѣтей, Анастасія Ермолаева Черникова принадлежитъ къ тому большинству хозяекъ нашего простолюдина, безъ которыхъ была бы совсѣмъ безотраднѣе жизнь этихъ работниковъ Божіихъ, составляющихъ многомилліонную мощную Русь крещеную. Набожная, смиренная, трудолюбивая, вездѣ она въ домѣ и въ полѣ оставляла только слѣды нѣжной матери и заботливой трезвой хозяйки. Дѣти ея

всегда были опрятными, мужъ выглядѣлъ бодрымъ и веселымъ, изба была образцово прибранною, а дворъ представлялъ то „колечко“, понятіе о которомъ такъ вѣрно опредѣляетъ уютность житья-бытья трудолюбиваго земледѣльца. Такой жизнерадостный видъ имѣли семья и домъ Черникова до 1898-го года, т. е. до времени, когда Анастасію Черникову посѣтила болѣзнь.

Въ одинъ изъ зимнихъ вечеровъ въ избу Черниковыхъ вбѣгаютъ сосѣди и съ ужасомъ говорятъ, что сынъ ихъ Павель, катаясь на салазкахъ съ горы, разбился до смерти. Перепуганная мать, бросившись опрометью подъ гору, нашла свое дѣтище невредимымъ, (разбившимся оказался чужой ей ребенокъ), но для ея здоровья случай этотъ имѣлъ роковыя послѣдствія. Вернувшись съ ребенкомъ изъ подъ горы домой, Анастасія Черникова почувствовала въ поясничныхъ позвонкахъ боль, день ото дня увеличивавшуюся, пока, наконецъ, Черникова не слегла въ постель на цѣлыя пять лѣтъ. Безъ грусти послѣ того нельзя было войти мнѣ, пишущему эти строки священнику, въ домъ Черниковыхъ. Грязныя, нечесанныя дѣти обыкновенно еще за нѣсколько домовъ напоминали о своемъ сиротствѣ, попадаясь то у одного, то у другого сосѣдскаго порога. Навозъ до крыши, въ сѣняхъ изломанныя двери въ избу, закрытыя тряпьемъ вмѣсто стеколъ окна, сырость и холодъ были первымъ привѣтомъ всякому посѣтителю дома Черникова. Только пристально осмотрѣвшись, можно было потомъ замѣтить среди парившихъ въ избѣ непорядка и тьмы на примостѣ къ печи что-то похожее на живое въ свернутомъ клубомъ предметѣ. Эта была сама хозяйка дома, такъ недавно вливавшая въ свою семью жизнь и радость. Нечего говорить о томъ горѣ, которое переживалъ мужъ больной, вынужденный теперь и въ полѣ работать за двоихъ, и за скотомъ ходить, и печь топить, и дѣтей накормить: большаго несчастья въ крестьянскомъ быту не придумаешь!

Большихъ усилій стоило Черниковой приподняться съ своего ложа при помощи веревки, обматывавшей матицу, когда ктонибудь приходилъ провѣдать больную. Въ одно изъ такихъ моихъ посѣщеній, больная Анастасія просила меня написать о ея положеніи отцу Иоанну Кронштатскому, неоднократно являвшему молитвенную помощь отдѣльнымъ

членамъ моего прихода. Послѣ молитвъ высокочтимаго па-
стыря Анастасія начала чувствовать себя пѣсколько легче,
при посторонней помощи могла спускаться съ постели, но
держатъ прямо спину она была не въ состояніи. Зимой
1902—3 годовъ, когда заговорили о предполагаемомъ тогда
открытіи мощей Преподобнаго Серафима, Черникова выра-
зила желаніе съѣздить въ Саровъ помолиться Богу. Бла-
гословляя ея желаніе, я старался въ бесѣдѣ болѣе помирить
ее съ тѣмъ, что мнѣ казалось тогда для нея неизбѣжнымъ
вскорѣ, такъ слаба она была....! Насталъ іюль мѣсяць 1903
года. вмѣстѣ съ другими прихожанами, являвшимися ко
мнѣ за разъясненіями по поводу поѣздки въ Саровъ, при-
шелъ и родной отецъ Анастасіи. Въ виду ожидаемаго мно-
голюдства при открытіи мощей и слабости силъ Чернико-
вой, я отклонялъ намѣреніе старика-отца до времени, когда
въ Саровѣ будетъ свободнѣе, не зная того, что Господь
звалъ больную къ славѣ Своей. Но, вѣрно, нужда упряма.
Или умереть, или выздороветь, — съ такою рѣшимостью, слы-
шу, уѣхала въ Саровъ съ другими и Анастасія Черникова.

По словамъ Анастасіи, прибывъ къ первымъ Саров-
скимъ баракамъ утромъ 19-го іюля, къ вечеру того дня она
едва могла добрести до пустыни, упросивъ кого то понести
за нею сумку съ хлѣбомъ и бѣльемъ, вѣсомъ до 10 фунтовъ.
Приложиться къ мощамъ Преподобнаго Бога удостоилъ ее
только 20-го, послѣ поздней литургіи. Выйдя изъ храма въ
другія двери — противоположныя тѣмъ, въ которыя впускали
богомольцевъ, больная вынуждена была идти съ особенною то-
ропливостью, опасаясь потерять оставленное предъ тѣмъ ею
подъ сосною мѣсто съ сумкою. Это — первый моментъ, когда
она, не вѣдая себя, забыла свою боль. Искупавшись потомъ въ
источникѣ, Черникова рѣшилась обратно до желѣзнодорожной
станціи Спасово идти пѣшкомъ, сколько силъ Господь по-
шлетъ. Съ здоровыми путниками равняться она не могла,
а все же шла, боясь, однако допустить себѣ мысль о какомъ
либо испѣленіи. Такъ прошла она за два дня около 70-ти
верстъ безъ особой усталости, слыша иногда сзади сдер-
жанннй голосъ своихъ спутницъ: „въ Саровѣ была скорчен-
ною, а теперь вишь какъ идетъ!“ Чтобы не опоздать на
другой день къ поѣзду, спутники Черниковой остальное
разстояніе до станціи Спасово проѣхали съ нею на лоша-

дахъ и прибыли, когда уже поѣздъ ожидалъ своихъ послѣднихъ звонковъ.

Волненія отъ пережитаго долго не давали Ан. Черниковой прити въ себя по пріѣздѣ домой. Опасенія обмануться самой въ милости къ себѣ Божіей заставляли ее нѣкоторое время не выходить изъ дому, не работать при людяхъ. Самымъ близкимъ людямъ она боялась повѣрить свое счастье. Однако Божьяго дѣла скрыть было нельзя. Черникова съ каждымъ днемъ поправлялась, станъ ея окончательно выпрямился, и сейчасъ она исполняетъ всѣ домашнія работы безъ затрудненій.

Такъ близокъ Угодникъ Божій Преподобный Серафимъ къ нищимъ духомъ, указывая всѣмъ русскимъ людямъ путь жизни, освященный намъ нашею святою сѣдою стариною.

Села Сюдатскаго священникъ *Гавріиль Селовъ*.

(„Орловск. Епарх. Вѣд.“ № 21).

Поучительное значеніе подвижнической жизни преподобнаго Серафима Саровскаго для нашего времени.

Не задолго до своей кончины преподобный Серафимъ одной старицѣ Дивѣвской общины говорилъ: „Когда меня не станетъ, вы ко мнѣ на гробикъ то и ходите, и все, что ни есть у васъ на душѣ, о чемъ ни скорбите, что ни случится съ вами, мнѣ, припавъ къ землѣ, какъ живому, и расскажите. И я услышу васъ, и скорбь ваша пройдетъ. Какъ съ живымъ говорите, потому что я живъ буду для васъ“. Такъ говорилъ блаженный старецъ въ живомъ упованіи не только личнаго безсмертія въ царствіи небесномъ, а и живого общенія съ остающимися на землѣ. И исполнилось предсмертное желаніе преп. Серафима и пророческое слово его.

Не заросла тропа народная къ его скромной могилѣ въ пустынной обители Саровской, расположенной въ глухомъ лѣсномъ краю Темниковскаго уѣзда, Тамбовской губерніи, а, разрастаясь отъ нея, какъ бы лучами или радіусами, по всему лицу земли русской, охватила собою всю ее—Святую Русь, а потомъ отъ самыхъ отдаленныхъ краевъ ея возвращаясь назадъ, какъ многоводная рѣка, на пути забирала въ себя все новые и новые притоки, и вотъ черезъ 70 лѣтъ послѣ тихой кончины смиреннаго подвижника слилась у гробика его въ цѣлое морé величающихъ его и молящихся ему православныхъ христіанъ. И въ самомъ дѣлѣ сколько людей съ той поры и доселѣ перебивало у этой могилы преподобнаго Серафима! Сколько унылыхъ душъ ободрилось, отягченныхъ совѣстей облегчилось, слезъ и рыданій отерлось и недуговъ испѣлилось! Отъ послѣдняго самаго захудалаго мордвина до самаго престола Царскаго раздавалось эхо людской радости во славу Преподобнаго Отца и Чудотворца. Да, то фактъ, что и въ Царствующемъ Домѣ нашемъ Россійскомъ имя преподобнаго Серафима давно чтится, и здѣсь не разъ его святыми молитвами сама смерть отходила отъ обреченныхъ ей. Опуская все прочее, напомнимъ лишь, что „вмѣстѣ со всѣми вполнѣ раздѣляя вѣру въ молитвы преподобнаго Серафима“, и нынѣ благополучно царствующій Благочестивѣйшій Государь нашъ, 19 іюля 1902 г., въ день ксѣчины Преподобнаго выразилъ желаніе, чтобы давно начатое въ Св. Синодѣ дѣло о прославленіи старца доведено было до конца. И вотъ, по Его Царскому слову, дѣло о причтеніи старца Серафима къ лику святыхъ и объ открытіи святыхъ мощей его вновь было поднято и теперь уже годъ, какъ благолѣпно совершилось.

Не станемъ изображать это благолѣпное торжество, но не можемъ не остановить вниманія на вопросѣ о значеніи его для насъ.

Конечно, самое великое и дорогое для насъ въ прошлогоднемъ торжествѣ прославленія преподобнаго Серафима, подвижника Саровскаго, то, что въ его лицѣ является новый молитвенникъ и ходатай за насъ предъ Богомъ, новый чудотворецъ, чрезъ котораго уже началъ, а потому, уповаемъ, и впредь не перестанетъ изливаться новый потокъ милостей

Божіихъ на всѣхъ съ вѣрою и любовію прибѣгающихъ къ нему. Но несомнѣнно, было бы большою ошибкою этимъ и ограничивать все значеніе торжества и, выставляя на видъ эту сторону дѣла на первый планъ, забывать, а то и совсѣмъ отрицать нравственно-воспитательное и духовно-поучительное значеніе явленныхъ Богомъ міру подвиговъ Преподобнаго, какъ достоподрожательнаго образца.

Въ благопотребности для насъ такого образца, какъ путеводной звѣзды въ присутствіи каждому стремленіи къ счастью и блаженству, едва ли, конечно, возможно какое либо сомнѣніе. Исканіемъ и указаніемъ такихъ путеводящихъ къ счастью образцовъ и примѣровъ всегда были и будутъ заняты всѣ лучшіе умы и художники слова и мысли; въ этомъ находятъ свое послѣднее оправданіе и всѣ произведенія такъ называемой художественной литературы и стараго и новаго времени, которыми такъ усердно питаются такъ называемые образованные люди. Къ сожалѣнію, нужно сознаться, что литература эта, а за нею и сама жизнь въ послѣднее время пошли по такимъ новымъ путямъ, которые едва ли могутъ возродить духовно человѣка и привести его къ счастью и блаженству.

Исходя вѣроятно изъ принципа *argumenti a contrario*, литература эта имѣетъ главнымъ предметомъ своимъ порокъ во всевозможныхъ его видахъ; разница между писателями лишь въ томъ, что тогда какъ одни изображаютъ порокъ этотъ въ прикрашенномъ и приглаженномъ видѣ, другіе выставляютъ его во всей его безобразной наготѣ, въ какой царитъ онъ „на днѣ“. Но можно ли серьезно говорить о непремѣнно нравственно-возвышающемъ и возрождающемъ значеніи такой литературы въ томъ и другомъ случаѣ? Нелицемерная совѣсть, думаемъ, подскажетъ, а окружающая насъ жизнь пусть подтвердитъ справедливость нашего сомнѣнія. Встрѣчаются, конечно, и въ этой литературѣ и положительные типы и свѣтлые или, по крайней мѣрѣ, свѣтящіеся нравственные образы; но, увы, образы эти подчасъ представлены бывають въ такомъ карикатурномъ видѣ, что на лучшій конецъ могутъ возбуждать въ насъ развѣ состраданіе, но никакъ не восхищеніе и не желаніе идти по стопамъ ихъ. Иногда же выдаваемое въ этихъ произведеніяхъ

за нравственно-доброе и высокое можетъ быть признано таковымъ развѣ съ точки зрѣнія автономно—самодовольной нравственности свѣта, съ точки зрѣнія приличія, но никакъ не нравственности православно-христіанской. И не отсюда ли то разочарованіе жизнію, то пессимистическое отношеніе къ ней, концомъ котораго нерѣдко служить могила самоубійцы? Встрѣчаются въ этой литературѣ дѣйствительно нравственно-свѣтлыя образы и животворные идеалы; но ихъ такъ мало и, заглушаемые голосами ложно-направленной литературы, такъ обаяющей собою наше общество, они едва слышны и совсѣмъ недѣйствительны.

Вотъ почему, если когда, то особенно нынѣ, какъ нельзя болѣе благопотребно міру явленіе такихъ достоподрожательныхъ образцовъ и идеаловъ, которые не были бы созданы лишь художественной фантазіей и отвлеченной мыслью и не стояли бы предъ нами какъ историческія силуэты, документально засвидѣтельствованныя въ своей подлинности, но отдѣленные отъ насъ и временемъ, и мѣстомъ, и всѣми вообще условіями жизни, а были бы живыми примѣрами, взятыми изъ нашей жизни, изъ жизни близкихъ намъ и по времени, и по мѣсту, и по всѣмъ вообще условіямъ жизни, были бы всѣмъ хорошо извѣстными и понятными и въ своей истинности непререкаемыми небесными знаменіями, не только когда то засвидѣтельствованными, а и сейчасъ постоянно свидѣтельствуемыми. Вотъ такой то путеводной звѣздой въ духовно-нравственной жизни Богу и благоугодно явить и прославить предъ нами преподобнаго Серафима, подвижника Саровскаго, который скончался всего лишь 70 лѣтъ тому назадъ, извѣстенъ и давно уже чтится, какъ святой, въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ необъятной Россіи. Чудеса и знаменія небесныя, которыя предъ лицомъ всего міра непререкаемо свидѣлствуютъ объ истинности этого почитанія, дѣлають духовно-нравственный образъ его не только желаннымъ и восхитительнымъ, а и нравственно-обязательнымъ.

И можно ли сравнивать и ставить въ параллель въ какомъ бы то ни было отношеніи и въ какой бы то ни было степени съ этимъ чуднымъ живымъ образомъ достоподрожасямаго нравственнаго совершенства тѣ положительныя типы, которые рисуетъ намъ художественная литература? Чистый

свѣтъ этого духовнаго образа настолько превосходить блѣдное мерцаніе, или болѣзненно яркія, но подобныя развѣ только болотнымъ огнямъ вспышки духовнаго свѣтленія образовъ художественной литературы, что о какомъ либо сопоставленіи съ ними духовнаго образа преп. Серафима, подвижника Саровскаго, не можетъ быть и рѣчи...

Такъ. Но говорить, что этотъ духовный образъ, какъ ни прекрасенъ онъ, все же нельзя принять, какъ руководственный, какъ путеводную звѣзду нравственной жизни: ибо онъ — образъ аскета, всю жизнь свою боровшагося съ своею плотію и отрекшагося не только отъ общественной жизни, а и отъ общежительнаго и иноческаго братства; а такой образъ, если и не есть психически-ненормальное явленіе, то во всякомъ случаѣ исключительное, не приложимое къ намъ, людямъ міра сего. Такія рѣчи высказываются не только защитниками „святой плоти“ и сторонниками „новаго пути“, а и пребывающими въ оградѣ православной церкви; но справедливо ли?

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не ясно, какъ прошлогоднимъ торжествомъ прославленія преп. Серафима, запечатлѣваемымъ и утверждаемымъ чудесными знаменіями съ неба, воочію предъ нами посрамляется воздвигаемое проповѣдниками новыхъ путей въ христіанствѣ глумленіе надъ аскетизмомъ во имя „святой плоти“? Не для того ли, неволью думается, именно въ наше время Господу и благоугодно *чудесными знаменіями прославить* „любимца своей Матери Приснодѣвы Маріи“, чтобы самымъ дѣломъ, такъ сказать, показать благоугодность Ему подвиговъ смиренія плоти, которыми больше полвѣка почти на нашихъ глазахъ подвизался преп. Серафимъ и тѣмъ безпрекословно обличить ея мудрователей?

Правда, конечно, что концомъ и вѣнцомъ этихъ подвиговъ преп. Серафима было все-таки служеніе его людямъ путемъ духовнаго учительства и разнообразныхъ благодатныхъ утѣшеній; но въ данномъ случаѣ то уже важно, что на такое служеніе міру Преподобный вышелъ на самомъ почти закатѣ своей долголѣтней жизни, послѣ почти полувѣковыхъ подвиговъ отшельническаго житія и вышелъ лишь по нарочитому указанію Царицы Небесной. До этого же небеснаго указанія, стремясь къ тому, чего жаждала душа его,

сколько лѣтъ онъ пребывалъ въ молчаніи и въ затворѣ, скрывая лицо свое даже отъ случайныхъ зрителей! Всѣмъ любителямъ учительства и всякой другой общественной практической дѣятельности нужно твердо помнить этотъ досто-подражательный примѣръ новоявленного учителя Саровскаго и особенно то, каждому понятное и въ то же время глубоко мудрое, слово его, что учить другихъ такъ же легко, какъ бросать на землю камешки съ высокой колокольни, а учиться самому—то же, что собирать и поднимать эти камни на верхъ колокольни. Чтобы бидать камни съ колокольни, нужно напередъ собрать и натаскать ихъ туда; и конечно это послѣднее дѣло не только труднѣе, а и продолжительнѣе перваго. Такъ точно прежде, чѣмъ другихъ учить, нужно научиться самому, и это ученіе несомнѣнно гораздо легче, чѣмъ самообученіе, но только для того, кто самъ хорошо прошелъ школу своего собственнаго ученія.

Это вполнѣ понятное и истинно мудрое правило жизни, завѣщанное намъ преп. Серафимомъ, имѣетъ свое приложение во всѣхъ областяхъ дѣятельности человѣческой, въ области же духовно-нравственной по преимуществу. Для того, чтобы вынуть сучекъ изъ глаза брата, нужно умѣть вынуть бревно изъ собственнаго глаза (М. 7, 3—5). Прежде, чѣмъ учить другихъ любви, кротости, смиренію и т. п., нужно воспитать всѣ эти качества въ себѣ самомъ. Но этому обыкновенно препятствуетъ живущій въ насъ грѣхъ, какъ самолюбіе, самолюбіе и самовластіе—словомъ, гордость, для смиренія которой и нужно приучить себя къ послушанію. Вотъ въ этомъ то самовоспитаніи, въ этомъ то, выражаясь словами преп. Серафима, „устроеніи дома собственной души“ и заключается весь смыслъ аскетизма. А въ этомъ смыслѣ аскетизма и его значеніе для насъ, какъ основнаго руководственнаго правила жизни; ибо Христось, заповѣдывавшій всѣмъ ученикамъ Своимъ любовь къ ближнимъ до готовности отдать жизнь Свою имъ, всѣхъ и cadaго напередъ того зоветь взять на себя крестъ Его—зоветь къ самоотреченію—къ борьбѣ съ собственнымъ грѣхомъ—съ своими страстями и похотями, или, что то же, къ самовоспитанію и аскетизму...

Таково нравственно-поучительное значеніе подвижнической жизни преподобнаго Серафима Саровскаго для нашего времени въ ея общемъ и цѣломъ.

Нужно ли раскрывать отдѣльныя достоподрожательныя черты нравственнаго образа Преподобнаго—тѣ отдѣльныя приемы своего нравственнаго самовоспитанія, при помощи которыхъ онъ, какъ по ступенямъ, восходилъ отъ силы въ силу и возлетѣлъ наконецъ на самое небо? Нужно ли выяснять его съ раннаго дѣтства любовь и усердіе къ Божію храму и благоговѣйно-смирненное, съ опущенными долу очами, предстояніе въ немъ за богослуженіемъ, его почтительное и послушливое отношеніе къ родительницѣ, благословеніемъ которой онъ такъ дорожилъ до самой кончины, его смиреніе, во имя котораго онъ не только уклонялся отъ почестей и похвалъ, а самъ земнымъ поклономъ выражалъ почтеніе къ другимъ, его ласковость и привѣтливость въ обращеніи со всѣми, его кротость, не только прощавшую обиды враговъ, а и слова укоризны не дерзавшую изрекать въ обличеніе явныхъ и грубыхъ гордецовъ, и многое, многое другое— истинно до умиленія и восхищенія прекрасное? Но всѣ эти и другія подобныя имъ высоконравственныя черты духовнаго образа новоявленнаго угодника Божія такъ ясны и понятны изъ общеизвѣстныхъ теперь уже изображеній его жизни— изъ рассказанныхъ дѣлъ и подвиговъ этой жизни, что особая рѣчь, особое слово объ нихъ кажутся излишними ¹⁾.

¹⁾ Извлечен. изъ Краткаго сказанія о житіи и подвигахъ препод. Серафима. Прот. І. Соловьева.

ОБЪЯВЛЕНИЕ. **Новыя книги.**

1) *Азбука письмени и жизни. Изданіе второе, дополненное. Составилъ протоіерей Александръ Миропольскій. Г. Мамадыши, 1904 г. Цѣна 10 копѣекъ.*

„Поводомъ къ составленію предлагаемой „азбуки“, замѣчаетъ авторъ, послужило неоднократно слышанное неудовольствіе на содержаніе существующихъ букварей, переполненныхъ лишь наборомъ отдѣльныхъ словъ и отрывочныхъ предложений, не дающихъ пищи для мысли дѣтей. Особенное неудовольствіе заявляется противъ сказочекъ и басенокъ, помѣщаемыхъ въ азбукахъ и книжкахъ для первоначальнаго чтенія дѣтямъ. Всѣ высказываютъ желаніе, чтобы дѣти съ первыхъ же строкъ книжки послѣ изученія буквъ читали нравоучительное и полезное, какъ было въ древнихъ азбукахъ. Почему мы и рѣшаемся удовлетворить это народное желаніе помѣщеніемъ послѣ изученія слоговъ, прямо чтенія серьезныхъ и полезныхъ наставленій, заповѣдей и молитвъ, чѣмъ народъ весьма доволенъ, какъ показалъ хотя еще малый опытъ отъ перваго изданія „азбуки“.

2) *Книжка для благочестиваго народнаго чтенія. Составилъ города Мамадыша Троицкаго собора протоіерей Александръ Миропольскій. Г. Мамадыши, 1904 г. Цѣна 20 копѣекъ.*

Содержаніемъ книжки служатъ слѣдующія общедоступныя назидательныя статьи: 1. Любознательность. 2. Богопознаніе. 3. Цѣль созданія Богомъ видимаго міра и человѣка. 4. Блаженная жизнь Адама и Евы до грѣхопаденія. 5. О свободной волѣ человѣка. 6. О томъ: можетъ ли человѣкъ возвратити себѣ земное блаженство, утраченное родителями. 7. О томъ, въ чемъ состоитъ истинная жизнь человѣка и его счастье. 8. Необходимость истинной религіи (вѣры) для достиженія блаженства (счастливаго) бытія. 9. Христова церковь, ея Таинства и обряды. 10. О благодати Бога къ человѣку. 11. Возможно ли человѣку жить свято по волѣ Божіей. 12. Объ обязанностяхъ людей въ отношеніи другъ друга. 13. Объ отношеніяхъ мужа и жены. 14. Объ отношеніяхъ и обязанностяхъ родителей къ дѣтямъ. 15. Объ обязанностяхъ дѣтей въ отношеніи родителей. 16. О зна-

- ченіи слова человѣческаго. 17. Письменность и грамотность. 18. О пользѣ чтенія разныхъ книгъ и наукъ и въ особенности книгъ религозно-нравственнаго содержанія. 19. О любви. 20. Назначеніе жизни человѣка или цѣль ея. 21. О вѣрѣ. 22. О благословеніи. 23. Зложелательство и злословіе. 24. Значеніе пришествія на землю, страданія, смерти и воскресенія Христа Слова-Сына Божія. 25. Нѣтъ въ мірѣ тайны. 26. Духовный свѣтъ или просвѣщеніе. 27. Духовный мракъ или слѣпота души. 28. Грамотность. 29. О молитвѣ. 30. О постѣ. 31. Происхожденіе и сущность зла или грѣха. 32. Христіанскія добродѣтели.

СОДЕРЖАНІЕ.

Оффиціальныи отдѣлъ. Распоряженія Епархіальнаго начальства. 1123—1124. Свободныя мѣста. 1124. Просвѣщеніе св. крещеніемъ. 1125.

Неоффиціальныи отдѣлъ. Открытіе Высокопреосвященнѣйшимъ Димитріемъ, Архіепископомъ Казанскимъ, женской общины во имя Святителя Николая, Мирлиійскаго Чудотворца, близъ города Тетюшъ, Казанской губерніи. 1126—1138. † Священникъ Александръ Ивановичъ Бѣлокуроеъ. Свящ. Вячеславъ Бѣлокуроеъ. 1138—1139. Переводы христіанскихъ книгъ на инородческіе языки въ первой половинѣ XIX в. Свящ. К. Прокотевъ. 1139—1151. Случай чудеснаго исцѣленія больной предстательствомъ новопрославленнаго Угодника Божія Преподобнаго Серафима, Саровскаго чудотворца. 1151—1154. Поучительное значеніе подвижнической жизни Преподобнаго Серафима Саровскаго для нашего времени. 1154—1160. Объявленіе. 1161—1162.

Редакторъ доцентъ академіи В. Протопоповъ.

Печатать дозволяется. Казань, 7 сентября 1904 г.

Ректоръ Академіи Епископъ Алексій.

Типо-литографія Императорскаго Университета.